

С. М. СОЛОВЬЕВ

**Речь С. М. Соловьева, произнесенная
в торжественном собрании Императорского
Московского университета 30 мая 1872 года**

Мы видели Политехническую выставку¹; мы видели разнообразные результаты человеческого труда, человеческого творчества, видели средства, которыми человек исполняет божье повеление, средства, которыми он обладает землею. Посреди зданий, наполненных произведениями человеческого труда, искусства знания, мы видели здание, наполненное памятью о труде одного человека. С мыслию о труде ученом, промышленном, о труде, клонящемся к поднятию общественного благосостояния, для русского человека необходимо соединяется мысль об одном человеке: этот человек — Петр Великий. Если бы мы были язычники, то Петр стал бы для нас божеством — покровителем труда. Мы — христиане, мы не можем делать из человека божество, мы видим и в великих людях существа слабые, несовершенные: но чрез это мы не освобождаемся от обязанности чтить в них орудия промысла, изучать их деятельность для уяснения себе путей нашей исторической жизни, изучением прошедшего уяснять себе наше настоящее, уяснять себе наши обязанности к настоящему. Труд великого человека тем более имеет значения в истории, чем непосредственнее, ближе относится к труду целого народа, известной семьи народов, целого человечества: какое же отношение имеет труд Петра к труду русского народа, какое значение имеет он в истории человечества?

С деятельностью Петра мы привыкли соединять понятие о преобразовании; одни современники говорили, что мы благодаря деятельности Петра стали народом новым, что мы были вызваны ею из небытия в бытие; другие современники враждебно относились к этой деятельности за ее новизну, отрицая всякую перемену как греховную: «Предано отцами — лежи во веки ве-

ков неподвижно», не хотим ничего нового, чужого греховного! Тут дело решалось исключительно на основании чувства. С самого же начала были, однако, люди, которые неюлагосклонно отзывались о деятельности Петра, но выставляли другие основания своих пререканий: то были иностранцы образованные, умственно развитые; они в своих пререканиях побуждались также чувством, чувством вражды к России, но старались прикрыть чувство соображениями ума: деятельность Петра объявили они бесплодную для его народа, потому что народ не был к ней приготовлен, ей не сочувствует, новые формы жизни наданы насильственно, по произволу одного человека и дело насилия погибнет с человеком силы. Петр умер, а дело осталось: власть из рук сильных переходила в руки слабые, а дело шло вперед. Досадно; но все же нечего отчаиваться: случайные обстоятельства благоприятствовали тому, что дело еще останется; стоит олько отстранить эти случайные обстоятельства, и дело рухнет, народ русский отшатнется от Европы, уйдет к Азии и погрузится в прежнее варварство. Случайные обстоятельства отстранились, а дело все осталось. Тогда западные мудрецы уже перестали толковать о случайных обстоятельствах, взглянули на дело глубже, не покидая, однако, своей точки зрения. Дело осаεται, но какое это дело, какая это цивилизация, которую дал России Петр? Это цивилизация гнилая, поверхностная, она вредит только народу, к ней неспособному, растлеивает его; новая Россия, созданная Петром, — это плод, одна половина которого представляет здоровый, свежий вид, а другая уже гниет. А в каком отношении к Западной Европе, к европейской цивилизации находится дело Петра, по мнению западных мудрецов? Тоже страшно вредно для них. Петр посредством цивилизации создал из варварского народа, оставшегося внутренне варварским, грозную, разрушительную силу для Европы и ее цивилизации. Выдуманно было даже и завещание Петра в этом смысле. Но нам от Петра досталось другое, невыдуманное завещание: он завещал нам науку и труд; он завещал нам тяжелый и долгий труд изучить свой народ в его истории, познать в ней самих себя. Западные мудрецы толковали вкось и вкривь о Петре, об отношениях его деятельности к русскому народу, не зная истории этого народа; оставим им и оставим их, не ведали бо, что творили.

Каковы бы ни были толки о деятельности Петра, эта деятельность резко делит нашу историю на две половины. В жизни всех народов развивающихся, исторических мы встречаем перевороты, сильные движения, производящие большие или меньшие изменения в этой жизни; но нигде не встречаем мы, чтобы при

подобных переворотах на долю одного человека выпадал такой труд, такая громадная и всесторонняя деятельность, какая в самую важную эпоху нашей исторической жизни принадлежит Петру; это, однако, не должно вводить нас в заблуждение, что такая сильная деятельность одного человека могла идти в разлад с народною жизнью, с ее потребностями. Наука запрещает нам так презрительно относиться к народам, давать в их истории такое место произволу одного человека. Наука велит нам смотреть на каждое явление в народной жизни как на необходимое следствие всего предшествовавшего развития, велит нам смотреть таким образом и на деятельность людей, которых мы называем великими; они — дети своего народа, они — плоть от плоти его и кость от костей его, их деятельность служит удовлетворением известной потребности народа, причем они пользуются содействием, сотрудничеством лучших сил народа. Великий человек не может делать ничего против народа, против его прошедшего, не может сделать ничего не по мере сил и потребностей народных; если увлечется как человек, сделает иначе, погибнет дело его; если перейдет меру сил народных — дело в это время не устоит, или отстранится, или подвергнется ограничениям, но если оно согласно с дальнейшим развитием народа и с его пользой, то служит примером для будущего, и неисполненные предначертания великого человека служат программой для потомства. Великий человек не может ничего сделать без своего народа; он дает труд, а народ дает капитал, накопленный вековым развитием средств, и из этого соединения труда с капиталом идет усиленное производство исторической жизни. Деятельность великого человека немислима без деятельности народа, без всего прошлого этой деятельности; народ в великом человеке находит своего полного представителя; только великие народы могут иметь великих людей; народы любят ставить памятники своим великим людям; но дело великого человека есть памятник, воздвигнутый им своему народу, вечный, нерукотворный памятник в истории человечества.

Таким образом, когда мы хотим говорить о деятельности великого человека, мы прежде всего ставим вопросы: в какое время народной жизни явился великий человек? В чем в это время нуждался народ? Чего искал, для какого движения, по какому новому пути ждал себе вождя? И в какой степени, и какими средствами человек, ставший этим вождем, удовлетворил народным потребностям?

На границе между XVII и XVIII веками нашей эры русский народ совершал переход, неизбежный в истории каждого исто-

рического развивающегося народа, переход из возраста, где преобладает чувство, в возраст, где преобладает мысль, тот переход, который в жизни отдельного человека в обществе образованном знаменуется усиленным умственным образованием и вступлением в общественную жизнь, в общественное служение. Пути для этого перехода для всех народов одинаковые, общие: сильное движение, отдаленные предприятия, расширяющие умственный горизонт, сближение с другими более образованными народами, заимствование у них наук, искусств или знакомство с произведениями духа древних, отживших образованных народов. Так совершили этот переход народы Западной Европы на границе так называемой средней и новой истории, в XV и XVI веках одновременно с ними начало в том же направлении совершаться движение и на Востоке Европы, в нашей России. К этому времени она оканчивала свою черную работу, тяжелую борьбу с азиатскими варварами победою над ними, земля собралась, государство окрепло, и немедленно Россия обращается от Востока на Запад с целью войти в общую жизнь европейских народов, воспользоваться ее плодами, приобрести морские пристанища на берегу северного Средиземного немецко-Балтийского моря, около которого сосредоточивалась сильная торговля и промышленная деятельность. С Иоанна IV, завоевателя Казани и Астрахани, вышедшего, следовательно, победителем из борьбы с татарским Востоком, начинается явственный поворот к Западу, стремление овладеть берегами Балтийского моря. Но неблагоприятные условия отдалили достижение цели на полтора столетия и произвели то, что Россия совершила свой переход из одного возраста народной жизни в другой гораздо уже позднее, чем западноевропейские народы. Но эти неблагоприятные условия несколько не потемнили сознания русских людей о необходимости выйти на новую дорогу, напротив, усиливали желание выхода, ибо они всего яснее показывали, невозможность оставаться при старом. Победитель Востока, покоритель Казани Иоанн IV был побежден на Западе, когда обратился туда, ища моря. С тех пор война на Западе грозила неминуемой неудачей вследствие неискusstва русских в деле ратном. Но с этим вопросом о войске, то есть о внешней безопасности России, о ее месте в кругу других держав, о ее чести, силе, влиянии — с этим вопросом о войске в стране обширной, континентальной, окруженной врагами и не защищенной природою, следовательно, требующей искусства для защиты, с этим вопросом находился в тесной связи вопрос о средствах содержания войска, ибо обширная страна была крайне бедна, бедна народонаселением, бедна промышленным трудом,

скудна доходами; государство не могло содержать войска, которое падало непосредственно тяжестью на остальное народонаселение и давило его: для содержания войска закрепили крестьянина и заставили горожанина кормить воеводу; жертвовали всем, а пользы было мало. Государству нужно было во что бы то ни стало улучшить свои финансы; но как это сделать? Разумеется, как это обыкновенно делается, по общему закону, как это сделалось у других народов. У других народов это сделалось посредством промышленного и торгового труда, вследствие освобождения государства от односторонности земледельческого характера, ибо односторонность губит и ведет к застою, исключительное земледелие уславливает бедность и свою собственную неразвитость; земледелие усиливается, процветает при условии других промыслов; город, поднимаясь, богатея, поднимает, богатит село, освобождает его; а промыслам, торговле всего больше помогает море: поморские государства — самые богатые государства: англичанин, голландец, немец ганзейский являлся для русских XVII века человеком богатым и ловким, умеющим вести дела, умеющим наживаться, умеющим заставить других служить своим интересам, он вынуждал у русских людей тяжелое сознание, что им с ним не стянуть. Отсюда море как источник богатства, как средство выхода из настоящего печального положения, море стало заветною мыслью русских людей XVII века. Но тут заколдованный круг: чтобы добыть море, нужно большое искусное войско; искусства воинского нет, денег для содержания войска нет, для приобретения образования, искусства, денег нужно море. Внутри затрагиваются высшие интересы нравственные: нельзя исправить церковной книги для напечатания, чтобы не вскрылись печальные следствия невежества, чтобы не раздались вопли о последних временах, об антихристе; с другой стороны, русские люди рвутся в Киев и Польшу, в тамошние школы, возвратясь оттуда, смеются над невежеством своих отцов духовных, толкуют о вере; дома и на улицах мужчины и женщины спорят о времени пресуществления, упрекают друг друга в хлебопоклонной ереси, а под шумок идет католическая пропаганда. Один способ вывести церковь из этих смут и опасностей: просвещение, школы; но где средства, но где люди? А между тем Польша уже разлагается, а в Польше столько русских людей: кто соберет их и кто отгонит хищников? И Турция впервые терпит тяжкие удары от держав европейских, и она впервые должна уступить свои земли; а в Турции столько славян, столько христиан восточного исповедания, они требуют помощи у соплеменников и единоверцев, они говорят, что им луч-

ше оставаться под владычеством турок, чем католиков. Столько важных вопросов, в решении которых Россия необходимо должна принять участие, А Россия с отчаянием бьется в заколдованном кругу, сама требует великой помощи; царь Алексей Михайлович просит у герцога курляндского позволения строить русские корабли в его поморских местах: что лучше выразит тогдашнее положение России? В такие времена великим народам, имеющим жить и делать в человечестве, посылаются на помощь великие люди, и России был послан Петр Великий.

Необходимость движения, перехода из одной обстановки жизни в другую, из одного возраста в другой, необходимость вступления в общую жизнь образованных народов и необходимость приобретения образования для этого были признаны; но как это сделать? Как пойти в учение к другим народам, не подчинившись учителям, сохранив свое народное достоинство, не принизив своей народности пред народностями чуждыми? Как с сознанием своего невежества, своей неумелости явиться в общество народов, превосходящих знанием и искусством, и потребовать вдруг почетного места между ними? Как вдруг приобрести возможность сделать подобное требование, вдруг приобрести право на почетное место? Его даром не дадут, надобно взять силу, а сила здесь есть искусство и знание? Не приобретши почетного места между народами, нечего входить с ними и в общую жизнь, ибо тогда будут одни унижительные отношения учеников к учителям, одно нравственное тяжкое иго, которое не усилит, но ослабит еще более и поведет к игу материальному. Как опасно было положение народа, идущего в учение к другому или другим народам, показывал пример этих народов-учителей, этих образованных народов Западной Европы: двумя веками прежде эти народы совершили свой переход из одного возраста в другой, из своей древней истории в новую, совершили посредством знакомства с произведениями духа древних народов — греков и римлян, и в какое рабское подражание впали они относительно своих учителей! Древние языки явились для них не как орудие для достижения известных целей образования, но посредством слов они страстно впивали в себя все представления древних; в разговорах христиан только и слышались, например, имена языческих божеств; о своем прошлом, откуда истекало их настоящее, эти народы забыли, относились к нему с ненавистью и презрением как ко времени невежества; сознание их до такой степени отуманилось, что они не знали, куда девать эту свою древнюю историю; желая примкнуть непосредственно к жизни греков и римлян, ведя о них свое духовное происхождение

ние, они взглянули на свою древнюю историю как на что-то межеумочное, ни то ни се, и выразили это словами: «средняя история». Но западные европейцы имели, однако, большие выгоды: они совершили свой переход из древней истории в новую посредством произведений древней греко-римской мысли, увлеклись, ударились в рабское подражание; но все же они имели дело с книгами, оставшимися от умерших народов, а не с живыми и сильными народностями; они имели дело с цивилизацией закончившеюся: вобрав в себя и переварив ее плоды, они могли свободно идти далее уже по своему национальному пути. Но мы, пришедши к делу позднее, начавши свой переход из древней истории в новую в конце XVII века, должны были идти в учение к живым и сильным народностям, которые для своих целей могли воспользоваться нашим ученическим подчинением; хорошо было западным народам преклоняться пред греком и римлянином. Мильтиады² и Сципионы³ не вставали из могил, чтобы воспользоваться этим преклоненным положением и дать им почувствовать силу своего меча, как давали ее чувствовать современникам. Притом мы должны были иметь дело с народностями живыми и сильными, которые, взяв себе пред нами много времени вперед, постепенно стремились далее по пути развития и таким образом, увлекая нас постоянно, не давая спустить с себя глаз, держа нас в постоянном раздражении, необходимо должны были затруднять наше самостоятельное развитие, не давая нам спокойно обращать внимание на самих себя. Пред народом-богатырем орога и на ней роковая надпись: здесь грозит беда! Одни говорят, что лучше остаться, другие утверждают, что необходимо идти. Где же вождь, что же вождь? Как поведет он народ свой по опасной дороге?

Ввиду страшных трудностей, вождь призывает народ свой к небывалому в истории народов труду, к тяжелым пожертвованиям и лишениям. Но одного призыва мало в таком деле и при такой степени развития, на какой находился народ наш в осмысливаемое время: тут необходим самый действительный способ внушения, научения, что делать, способ наглядный, пример; мало было сказать, что надобно трудиться, надобно было показать пример труда. При каждом тяжелом деле первая мысль в человеке, которого зовут к труду: зовет, велит, а сам что? И вот зовущий является работником неутомимым, первые слова, от него к нам дошедшие, первое определение, им самому себе сделанное, это: «в работе пребывающий». Царь-работник, царь с мозольными руками — вот представитель России в эпоху тяжкого труда, в эпоху первоначальной черной работы преобразования. «Надоб-

но трудиться! — говорит Петр своему народу, — надобно проходить трудную школу»; учиться необходимо у иностранцев; иностранные учителя, мастера вызываются в Россию, русские люди посылаются за границу учиться; но опасно учиться у иностранного учителя, поработит он русский ум своему уму, заставит подражать во всем себе и своему, оставит вечно в ученичестве. Для воспрепятствования-то этому и понадобилась неутомимая работа, это самостоятельное, деятельное практическое учение; нельзя было долго смотреть из рук учителей, но сейчас же делать самому, не давать укореняться в себе мысли: только учитель может это делать, я не могу, где мне? Сейчас же к делу; будет ошибка, беда — нет нужды: вначале это необходимо: без ошибок и неудач выучиться нельзя, только не надобно отчаиваться! Вот учебный способ великого учителя, который был послан русскому народу в тяжелое время преобразования; только этим способом можно было дать успех в школе и предотвратить опасность принижения ученика пред учителем, русской народности пред народностью чуждою, ибо только этим способом в ученике поддерживалось сознание своей самостоятельности и силы. Великий человек вышел победителем из всех искушений. Ему внушали, что он может иметь успех в борьбе с образцовым европейским войском, только дав главное начальство над русским войском опытным, искусным иностранцам; но он смотрел на войну как на школу, хотел выучить своих сражаться и побеждать, — и выучил: в столкновениях Меншикова с наемным фельдмаршалом Огильви он не выдал Меншикова, и Данилыч отблагодарил его за это Калишскою победою⁴. Но величие человека познается не в успехах, а в неудачах, в умении выдержать беду, не пасть духом, выказать все свои силы в создании новых средств, остаться верным раз предположенной цели, раз усвоенному взгляду и правилу. в умении поддержать других словом и делом. Таков был Петр в неудачах, таков он был после первого Азовского похода, после Нарвы; тому же учил и других. Фельдмаршал Шереметев разбит, и Петр пишет ему: «Не извольте о бывшем несчастье печальны быть, понеже всегдашняя удача ного людей ввела в пагубу, но извольте забывать и паче людей ободрять». Правило Петра — заставить проходить своих практическую школу, поручать важнейшие должности только русским, как бы ни казались они вначале мало искусны, мало приготовлены; это правило Петра встретило особенно сильное искушение на дипломатическом поприще. Россия вошла в общую жизнь европейских народов, вошла в лабиринт незнакомых ей прежде отношений; при дворах европейских должны были явиться

представители России, чтобы блюсти ее интересы, вести трудную борьбу с постоянно переплетавшимися интересами чуждыми. Петру внушают: нельзя поручить это русским, они не приготовлены, не образованы, не знают прошлого Европы, не знают и настоящих отношений, надобно употребить искусных и сведущих иностранцев. Но Петр не поддался искушению: на все важнейшие посты назначал русских людей: пусть проходят и здесь практическую школу; и школа была пройдена быстро и блистательно; образовался ряд знаменитых дипломатов, которые при Петре и после него умели заставлять Европу держать русское имя честно и грозно, по старинному выражению. Так великий человек был оправдан в своей непоколебимой вере в народ свой; олько этой верой творились чудеса, совершалось это изумительно быстрое прохождение школы, быстрое превращение учеников в учителей. Современники указывали на необыкновенный дар Петра узнавать способного человека по одному внимательному взгляду в лицо; но мало было выбрать, нужно было наставить, руководить, поддержать, и этим даром обладал Петр.

Практичностью школы не ограничивались педагогические приемы великого воспитателя своего народа. Смысл эпохи, которую переживал русский народ в силу естественного и необходимого роста, развития своего, состоял в усилении того, что мы называем гражданственностью, цивилизацией, а сущность цивилизации состоит в разделении занятий и соединении сил. Человек, окруженный и вспомогательный близкими людьми, связанными с ним кровной связью, доставляет сам себе все нужное и живет оsonяком; но эта особная жизнь условливает неразвитость; человек развивается только в обществе себе подобных; чужая мысль, чужое слово, чужое дело возбуждают его деятельность, и эта деятельность, в свою очередь, возбуждает деятельность других. Начинается мена духовная и материальная; человек делает какое-нибудь одно дело, соответствующее его способностям, произведениями своего труда удовлетворяет известной потребности других, а свои потребности удовлетворяет произведениями чужого труда, и это разделение занятий, ведя людей к зависимости друг от друга, ведет их необходимо к соединению сил в общей деятельности; видя, что произведения его труда составляют только малую часть в общей массе необходимых произведений, человек привыкает считать и себя только частицей целого, сознает себя членом общества, сознательно подчиняется требованиям общества, требованиям общего добра, привыкает волею-неволею сторониться со своими частными интересами пред этими требованиями: является гражданственностью.

Легко понять, что гражданственность скорее и сильнее развивается там, где на небольших пространствах сталкивается много людей, которые сейчас же должны начать упомянутую мену друг с другом, развивать, воспитывать друг друга и определять отношения друг к другу; отсюда гражданственность является скорее и развивается сильнее у народов, у которых на небольших пространствах многочисленное народонаселение, в небольшом расстоянии друг от друга много больших городов, у народов, которые живут, и как сказать, на больших дорогах, на морских берегах, на берегах больших рек, беспрестанно поэтому могут сообщаться с другими народами. Развитие гражданственности замедляется, следовательно, условиями противоположными: редким населением на обширных пространствах, малочисленностью городов, отсутствием больших городов, господством сельского, земледельческого характера, удалением от морей, от общения с народами цивилизованными при постоянном общении с народами нецивилизованными; гражданственность здесь замедляется, ибо разбросанные части народонаселения при дурном состоянии путей сообщения поневоле привыкают к жизни особой, в них слабо сознание обобщен, о своих обязанностях к общему, частный интерес на первом плане. Иногда, при великой беде, когда затронется высший интерес, интерес религиозный, разбросанные части великого народа, несмотря на все препятствия соединяются; но пройдет беда, пройдет нужда в чрезвычайном напряжении сил, и снова начинается жизнь особняком со всеми ее печальными последствиями; гражданственность замедляется, когда народ, окруженный хищными соседями, должен уходить весь в тяжелую и постоянную борьбу с ними, когда начальное разделение на вооруженных и невооруженных при бедности, земледельческом, сельском характере государства ведет к тому, что вооруженный смотрит на невооруженного как на своего работника, вследствие чего исчезает правильность общественных отношений, вооруженный приходит к такому убеждению, что всякий труд и всякий результат труда для него, для его содержания, для его кормления, и сознание общего, сознание святости и неприкосновенности этого общего исчезает, исчезает понятие о святости и неприкосновенности казны государственной; слабый, невооруженный при таком положении дел также теряет сознание общего, ибо это общее, государство, не в состоянии давать ему себя чувствовать как нечто покровительствующее, обеспечивающее; каждый чувствует только отдельные силы и, разумеется, ищет обеспечения в покровительстве одной из этих сил, стремится войти в частную зависимость. Прави-

тельство, стараясь собрать разрозненные силы и направить их к общему действию и не встречая при этом содействия от общества, является бессильным, несмотря на всю видимую силу свою.

Несмотря на все препятствия, народ вырос, потребовал знания и участия в общей жизни образованных народов; но, чтоб получить среди последних почетное место, нужно было приобрести силу, силу нравственную, привычки гражданственности; нужно было отвыкать от прежней жизни, получить сознание об общем и своих отношениях к нему, нужно было приучаться к разделению занятий и соединению сил, к сознательному, твердому и самостоятельному действию, при котором соединение сил только и идет впрок. Для этого надобно было проходить особую школу; отзовется ли на это требование вождь, поведет ли школу гражданственности, явится ли народным воспитателем? Он вводит разделение труда в сфере государственной: отделение службы военной от гражданскѣй представляет основное развитие, которого недоставало древней России; вводит отделение управления от суда, вводит лучший распорядок в государственном домостроительстве учреждением коллегий, отстраняя старое смешение приказное. В сфере народного труда распространение знания, искусства, усиление промышленности, введение новых отраслей ее вело к сильному развитию, то есть к разделению занятий, к выделению способностей к тому или другому делу. Разделение занятий должно было вести к разделению сил. Люди сходятся в общем действии: ак же они отнесутся друг к другу? Разумеется, сначала очень неловко, косо поглядят друг на друга, пойдут враждебные столкновения, счеты при самой печальной обстановке, ибо нет общественности, людскости, уважения друг к другу, уважения к человеку, уважения к общему делу. Кто считает себя выше, тот не хочет видеть в низшем товарища в общем деле, допустить равенство и свободу мнения. Надобно приучить к этоу товариществу, к дружному действию; преобразователь употребляет для этого коллегияльное устройство, любимую свою форму, которую стремится ввести всюду. Но мало ввести форму; надобно ввести в эту форму дух, надобно воспитать людей, выучить их, как вести себя при новой форме; и Петр не уклоняется от тяжелого дела. Он постоянно отсутствует из столицы, в постоянном движении, в постоянном путешествии; чтобы дела не замедлялись от этого отсутствия главы государства, Петр учреждает Правительствующий Сенат с обширною властью по всем делам, его указам должно повиноваться, как указам царским. Это высшая коллегия. С ней-то преимущественно име-

ет дело царь, в отношении к ней преимущественно высказывается его воспитательная деятельность. Здесь-то внушается, что чем выше значение, тем более ответственности, тем более требуется труда и внимания, обдумывания дел. Дела новые, дела важные, высшего царского указания нет, царь в отсутствии, надобно решить, тяжело, а царь строг, взыскателен, и вот первая мысль: как бы уклониться от участия в решении и вместе уклониться от ответственности; пусть кто побойчее подаст свое мнение, так и решить, все решили, на ком спрашивать? Царь не допускает акого рода действий; он для того и вводит коллегияльное устройство, чтобы приучить к деятельности сообща, с равным участием, приучить к самостоятельной деятельности; но требует, чтобы каждый подавал свое мнение и отвечал за него, чтобы никто не мог сметь своего суждения не иметь. Решили — слава богу! Можно и отдохнуть: «Нет! — внушает строгий воспитатель, — отдыхать нельзя; решение не может остаться только на бумаге, надобно немедленно привести его в исполнение, не успокаиваться прежде пока дело будет сделано. Нельзя терять времени, потому что потеря времени смерти невозвратной подобна». Воспитатель должен был вызвать уважение к месту присутствия коллегии, приучать к серьезному взгляду на ведение государственного дела. Школа была тяжела, надобно было начинать с азбуки. Ничто так не омрачало жизнь Петру, как борьба с противообщественными привычками, вкоренившимися в древней России вследствие розни, отсутствия ясного сознания обязанностей к обществу, отечеству, государству; борьба была тем тягостнее, что эта болезнь не поддается одним внешним средствам, которыми может располагать глава государства, требует средств внутренних, действующих чрезвычайно медленно. Но Петр не ослабевал в борьбе. Славного победителя врагов внешних, счастливого сокрушителя внутренних врагов, восставших против государства прямо с оружием в руках, осаждали вопиющие жалобы на страшные злоупотребления людей сильных, начиная с людей самых близких к нему, сотрудников даровитых, которых он привык любить и уважать и которых принужден был перестать любить и уважать, жалобы на страшное взяточничество, казнокрадство и насилия везде, где только сильные сталкивались со слабыми. Ценя так высоко значение торгового и промышленного труда, стремясь поднять значение города, чтобы уничтожить односторонность земледельческого характера государства, Петр прежде всего хотел уничтожить столь громкие в древней России жалобы на притеснения промышленных людей воеводами и приказными людьми, он дал промыш-

ленным людям свой суд и самоуправление; но вследствие непри-
вычки к общему делу, вследствие розни, невыработанности сла-
бым обществом сдержек для всякой силы, выборные самими го-
рожанами правители и судьи явились злоупотребителями своей
власти, сильные, богатые притеснили менее богатых. Так было
и повсюду. Виновные несли головы на плахи, шли в ссылки; в
указах своих царь гремел против нарушения законов сильными,
против неуважения к общему интересу, выставляя здесь измену
и более чем измену, ибо такими злоупотреблениями незаметно
подламываются основы государства, и оно приближается к паде-
нию. Но одними внушениями и наказаниями Петр не ограничи-
вался; его величие выразилось в том, что препятствия не утоми-
ли его, не заставили его отказаться о тех средств, которые он
признал необходимыми для народного воспитания: он остался
верен коллегиальному началу и на помощь ему призвал еще
другое начало, выборное, им также старался истребить народ-
ную спячку, неряшество в общем деле, им старался заставить
русского человека думать, внимательно смотреть на человека-
согражданина, взвешивать его способности и недостатки, при-
годность к общему делу, и старался заставить подавать голос о-
сторожно, ибо от этой подачи зависело общее и частное добро,
заставить русского человека создавать общественное мнение, со-
здавать другим имя, славу и делать это осмотрительно, зная, что
другие создают ему это имя, эту славу. Петр учредил выборы в
самых обширных размерах, в военной и гражданской службе;
люди правительственные, начиная с президентов коллегий, на-
значались по выборам: Петр сам присутствовал на выборах зна-
чительнейших правительственных лиц, наблюдая за правильно-
стью выборов, за их беспристрастием.

Так преобразователь сознавал свою обязанность народного
воспитателя, имея постоянно в виду возбуждение самостоятель-
ной, сознательной деятельности, имея в виду то, чтобы благо-
словение божее, по его словам, втуне не пропадало, начиная от
человека. Человек, благословенный от бога способностями, был
отыскан, и дан ему труд и значение по способностям, дано ему
воспитание, главной целью которого было сделать из него граж-
данина; внушалось: если хочешь заслужить милость царя, гово-
ри всегда правду, не бойся сказать что-нибудь неприятное, только
чтобы была правда. Среди сильного движения, произведенного
переходом народа из одного исторического пути на другой, люди
с природою наиболее возбужденною поняли в чем дело, в чем
наиболее нуждается Россия, подали свои голоса, свои мнения о
том, как лучше делать дело; эти мнения были выслушаны чело-

веком, одаренным самою чуткою внимательностью к тому, чтобы божее благословение втуне не пропадало, мнения были выслушаны, разобраны, и люди, их высказавшие, должны были перевести мысли в дело. Народ чувствовал необходимость знания; великий человек должен был указать ему средства к его приобретению; молодые люди были отправлены учиться за границу, в России заведены школы по разным необходимым специальностям, школы латинские, немецкие, математические, инженерные, навигаторские, медицинские; но для школы нужна была книга, книга нужна была и для тех, которые уже опоздали в школу, но хотели учиться, книга русская, и одна из главных забот преобразователя была об издании, о переводе книг, о том, как переводить, на какой язык; он указал, что живой народный язык, считавшийся до сих пор языком подлым, недостойным книги, должен быть языком литературным, что при невозможности избежать иностранных слов, вследствие вторжения множества новых понятий, необходимо сохранить в чистоте народный строй русской речи, не переводить для этого только подстрочно, но передавать смысл в свободной русской речи. Правильный перевод, хорошее издание озабочивали Петра среди самых важных дел, накануне решительных событий. Он предостерегал русских людей от рабского подражания в деле заимствования науки из чужих рук, учил самостоятельности учеников, указывая на недостатки учителей, запрещал при переводе немецких книг переводить вещи посторонние, не идущие к делу, «которые только время тратят и у чтущих охоту отбивают, понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять для того, чтобы велики казались». Но познания о своем настоящем и прошлом нельзя было приобрести из переводных книг, и Петр полагает начало трудному делу составления русской истории и географии. Собранием исторических источников и черчением карт географических дело не ограничивается; Петр указывает русскому человеку на родную страну как на живую книгу; буди русского человека и заставляет его обратить внимание на окружающее: тут много вещей полезных, много божия благословения, трудись, ищи — вот чего нужно искать, вот какую пользу можно из этого извлечь. Знали прежде пользу чего-нибудь, но не умели извлечь всех выгод, не умели обрабатывать, как следует, вот учителя, они вам это покажут; некоторые начали, другие смотрите, как увеличилась ценность предмета через лучшую обработку: вы берете дешевле при старом способе обработки, а другие при новом берут гораздо дороже. Трудно начать новые производства, заволить фабрики, нет уме-

нья, искусства, нет денег. Царь учреждает казенные фабрики и заводы, ноне с тем, чтобы оставить их в казне; это был только почин наставника в труде. Сенат должен был заботиться о том, чтобы казенные фабрики и заводы переходили в частные руки, в руки отдельных лиц и целых компаний, и этой передаче обязаны своим началом некоторые громадные состояния. Успехи торговли и мануфактурной промышленности радовали сердце великого работника; в списке значительных фабрикантов и заводчиков, начавших новое дело в России, он встречал почти все русские имена; корабли Божениновых⁵ и Барсукова⁶ посещали иностранные гавани. Посредством канала водный путь соединил Европу и Азию, Балтийское и Каспийское моря. Беднейшее государство не могло разбогатеть вдруг, в какие-нибудь 25 лет, среди огромных издержек на внутренние учреждения и тяжелую продолжительную войну, среди страшных лишений и жертвований, к которым Петр призывал народ свой, подавая сам первый пример; главное препятствие развитию — малочисленность народонаселения, разбросанного на громадных пространствах — не могло вдруг исчезнуть; но главное было сделано, отстранена вредная односторонность в характере государства, государства земледельческого, поднят город, который по известному закону своим развитием должен был освободить село. Крестьянский вопрос, решенный в древней России закреплением, поднимается вместе с новою Россией и требует иного решения. Петр связывает интересы сословий, порозненных крестьянским закреплением, и, учреждая майорат для землевладельцев, указывает пользу его для земледельцев; расширяя умственную сферу русского народа, вводя его в общую жизнь с другими христианскими народами, он также указывает ему, что относительно крестьян существуют в России такие явления, каких во всем свете не водится, и требует их уничтожения. Вопрос об улучшении быта крестьян стал твердо, к нему должны были подходить с разных сторон, приближаться к его решению в смысле новой русской жизни, и мы, видевшие конец, должны почтить начало.

Но было еще явление, которого не водилось в том свете, в котором должен был жить теперь русский народ. Когда небезопасно на улице, слабых — женщин, детей — не выпускают из дому; в древней России вследствие грубости нравов, вследствие физической и нравственной безопасности в достаточных семействах женщину, и особенно девушку, запрятали в терем; женщина теряла человеческое достоинство, превращалась в заповедный товар, которым другие располагали, торговали. Браки устраивались без ведома жениха и невесты, без знакомства между ними.

В конце XVII века Церковь протестовала против этого явления, указывая на его печальные последствия; но протест остался протестом, как много других протестов, поданных обществом, сознавшим необходимость выйти из прежнего положения и ждавшим человека силы, который бы вывел его на новую дорогу. Петр вывел русскую женщину из терема, дал мужчине, по писанию, «помощь достойную», осистил брак от значения торговой сделки, положил шестинедельный срок для знакомства жениха и невесты, после чего они могли отказываться от брака; родители и гопода должны были приисягать, что не принуждают к браку — первые детей своих, а вторые — своих слуг. Петр вооружался против явлений, которых во всем свете не водилось; но как знать русскому человеку, что водится и чего не водится на свете? Путешествие? Книги? Но путешествие не для всех возможно. Книга говорит о том, что было и что, быть может, уже исчезло; как же дополнить книгу, какое средство дать человеку возможность следить за всем, что делается на белом свете, сделать его внимательным участником жизни всех стран, всех народов? У западных европейских народов было такое средство — ведомости или газеты. Это средство было известно в последнее время и в древней России; в Москве делали выписки из иностранных газет; ноэтивыписки делались только для царя и небольшой части близких людей, оставаясь государственной тайной; Петр велел для всего народа печатать ведомости о делах, достойных знания и памяти, случившихся как в России, так и в чужих странах. В древней России за последнее время для царя и приближенных к нему людей было заимствовано из Западной Европы средство «знать правду о человеке и жизни его», театральные представления: Петр завел театр для всего народа.

Таковы были средства Петра для воспитания русского народа. Но в каких же отношениях воспитатель народа находился к церкви, охранительнице нравственности народа, его матери и воспитательнице? Самый страшный вопль, раздававшийся в русском обществе в конце его древней истории, был вопль о том, что духовенство было не в уровень своему положению в отношении к нравственности и знанию. Монастыри перестали быть училищами нравственности; духовные отцы стали ниже детей своих духовных в деле вероучения. Раскольник вопил, что духовенство изменило своему древнему благочестию, впало в ереси, и увеличивалось число последователей раскола отсутствием должного нравственного противодействия; иностранцы смеялись над невежеством духовенства, православные русские, познако-

мившиеся с наукой, видели себя в тяжелой необходимости соглашаться с иностранцами. История Западной Европы показывала всю опасность такого положения дел для церкви: и там переход народов в новую историю, в возраст, где преобладает умственное развитие, начался при таких же условиях, при упадке нравственности в монастырях, при упадке образования в духовенстве, что выказалось особенно резко при поднятии образования между мирянами. Невнимательность духовенства к своему опасному положению на Западе произвела то, что реформационное движение пошло бурно, быстро перейдены были границы законных требований, быстро пошло общество покатым путем отрицания, разрушения, монастыри исчезли. Латинская Церковь спохватилась, но поздно, когда уже половина Европы отторглась от нее; чтоб удержать остальную, устремились овладеть наукою, школою, и в этом стремлении показали ясно, в чем состояла ошибка предшественников. В России Петр поспешил на помощь церкви, потребовав от духовенства, чтоб оно как можно скорее овладело необходимою в его положении силой, образованием; он дал для этого средства, вызвав на архиерейские кафедры малорусских монахов; монастыри не были уничтожены, но монахи получили назначение — одни доставлять из среды себя ученых правителей церковных, другие служить страждущему человечеству; от белого духовенства потребовали также образования, и приложены заботы об улучшении материального быта людей, обязанных семейством. Дело завершено учреждением коллегиального, синоидального управления церкви, ибо, повестил Петр, «коллегиальное правление способнее для исследования истины, чем единоличное, и коллегиям свободнейший дух в себе имеет к правосудию».

Все эти дела были совершены во время тяжелой, с лишком двадцатилетней войны. Петр смотрел и на войну как на школу и безошибочно распределял курс, который должно было проходить его новоучрежденное постоянное войско: сначала терпеть неудачи, потом одолевая неприятеля превосходными силами, далее равными и, наконец, меньшими. От Нарвы до Полтавы на сухом пути и до Гангута на море проходила тяжелая школа. Победитель-ученик провозгласил здоровье побежденных учителей, и когда Ништадский мир дал России морской берег на протяжении, о каком сам знаменитый шкипер сначала не мечтал, новый адмирал от красного флага, получив этот чин за окончание войны, провозгласил, что школа с тройным курсом, каждый в семь лет, кончилась как нельзя лучше. Но эта школа, кроме

специального военного значения, имела еще другое, воспитательное для народа значение. Великая Северная война была предпринята с чисто гражданскими целями; она естественно и необходимо входила в план преобразования, потому что без моря нельзя было совершить переворота, необходимого для новой жизни России. Война с неприятелем, страшным по своему искусству, требовала чрезвычайных жертв от народа, чрезвычайного напряжения его сил, но это напряжение как нельзя более способствовало быстрому выходу России на новую дорогу при таком вожде, каков был Петр. Труд и опасность держат человека в бодрствующем состоянии, а это и было нужно. Знамя народности высоко развевается во время трудной и опасной войны, когда сильный враг входит в пределы родной страны, а это и было нужно, когда народ должен был пойти в ученье к живым и сильным народам, когда должен был признать их превосходство над собою, что вело к принижению народного духа, с одной стороны, или, с другой, к упорству в устранении всего чужого, упорству, осуждавшему на неподвижность. Борьба с одним из тех народов, у коорых надобно было учиться, борьба, становившаяся все успешнее и успешнее и, наконец, ознаменовавшаяся «преславною викторией», поражением непобедимого короля, сокрушением могущества державы, господствовавшей на севере, из-за которой России было не видать, — такая борьба не допускала принижения народного духа, давала русскому человеку легко и свободно проходить тяжкую школу, которая без того была бы уже слишком тяжка, ибо близко граничила бы с рабством. Успешная борьба напрягала силы и поднимала дух народный, давала возможность учиться легко, свободно, не принижаться пред учителями, и в то же время заставляла учиться, ибо только ученьем, неутомимым ученьем добывался успех над учителями, добывалось это свободное оношение к ним. По праву неоспоримому в награду за великий путь, неслыханный подвиг заняла Россия одно из самых почетных мест в Европе, наполненной славой великого императора. В христианской Европе появилась другая империя. В Западной Европе думали, что русский царь как покорный ученик будет рабствовать ее преданиям, примет титул восточного римского императора; но Петр поднялся высоко над этим рабством, пред отжившими ветхостями; он совершил свое дело с Россией и для России, и не отстранил русского имени от своего имени, от имени своих преемников; он принял титул императора всероссийского, указав Западной Европе пример освобождения во имя народности от лишенных смысла преданий.

С тем расширением сферы, которое должно было произойти для русских людей вследствие вступления в большую европейскую жизнь, должны были уясниться, определиться русские интересы. После Полтавы и Ништадского мира европейская земля собралась, ибо до тех пор восточная часть Европы не участвовала в общей жизни. До тех пор европейская история была ведена двумя племенами — романским и германским, теперь третье — славянское — получает решительное значение. Но в то время как Россия, усилившись, делается представительницей славянского племени, другое обширное и некогда сильное, ближайшее к Западу, славянское государство, Польша, обнаруживает признаки разложения, и над трупом же собираются орлы. Саксонский курфюрст Август⁷, став королем польским, стремится подчинить Польшу навсегда своей династии и своей народности. Но Петр не считал этих стремлений своего прежнего союзника и друга согласными с русскими интересами; поляки, угнетаемые саксонскими войсками, просят у него помощи, и благодаря его могучему посредничеству саксонские войска очищают Польшу. Но вслед за тем новые жалобы из Польши: русские православные требуют помощи нового императора всероссийского против католических претеснений. Сенат и Синод в совместном заседании рассуждают о средствах, как помочь своим; Петр объявляет, что надобно принять меры решительные, опыт показал, что дипломатическими представлениями ничего нельзя сделать, и он посылает комиссара в Польшу для защиты русских. Комиссар Рудаковский, действительно, отправился и, несмотря на вопли поляков против такого неслыханного явления, начал отбирать назад церкви, отнятые у православных. Протестанты, терпя также гонение в Польше, обращаются за помощью к русскому императору; диссидентский вопрос обозначился ясно. Ясно обозначился и вопрос славянский в тесной связи с восточным. Первая попытка общего славянского действия в 1711 году не удалась; но мы знаем, что величие Петра состояло именно в том, чтобы не бросать дела отнеудачи, и, как не бросил он дела после первой неудачной осады Азова, после Нарвы, так усилил свое сочувствие, свою связь со славянами после первого Прусского похода, неудача которого произошла от того, что Петр поспешил на зов единоверцев и единомышленников, не желая поставить их в трудное бедственное положение. Сочувствие высказалось самым разительным образом: наука только что принималась в России, недостаток в учителях был страшный; но когда сербы обратились к Петру с просьбой прислать к ним учителей, просветить их также, как он просветил свой народ, то

учителя были немедленно отправлены с большим по тому времени содержанием: поделились со своими последним куском научного хлеба.

Можно ли было в кратком очерке обозначить деятельность, не бывалую в истории человечества? Нужно было обозначить не деятельность какого-нибудь завоевателя, быстро покорявшего громадные, но дряхлые государства и основавшего громадную, но эфемерную империю. Нужно было обозначить деятельность человека, который прибавил в историю целый великий народ, целое великое племя, деятельность человека, который имел полное право сказать, что не жалел ничего для своего народа, который сильною рукою помог своему народу совершить переход необходимый, но страшно трудный, какого ни один народ не совершал при таких неблагоприятных обстоятельствах; деятельность человека, которая ознаменована и блестящими подвигами воинскими; но эти подвиги были результатом подвигов гражданских, небывалого гражданского мужества, небывалого гражданского труда, результатами ясного сознания, которым обладал народный вождь, сознания обязанности народного воспитателя. В учреждениях, в законах, в направлении народного труда, в школе, в книге, газете, зрелище и в войне кровавой проводится постоянно один зрелый, ясный план, план воспитания народа в гражданстве. Современники назвали Петра Отцом Отечества; потомство отдаленное, воспользовавшись средствами, приобретенными вследствие деятельности Петра, средствами научными, после сильных прекословий, необходимых при решении такого важного вопроса, потомство подтверждает звание Отца Отечества, признавая в великом человеке воспитателя народного. Потомство празднует двухсотлетие дня рждения великого человека, и этот праздник есть праздник труда. Указанием на многообразные произведения труда человеческого, указанием на то, что делает наука для усиления труда, хотели мы справить поминки по Петре Великом в нашей старой Москве, обновленной, благодаря Петру, наукой и усилением народного труда. В Кремле и около него, под умолкнувшими бойницами древней защиты, выставились произведения труда, представляющие и более надежные средства материальной защиты, и средства крепости, защиты нравственной отрезвлением мысли и чувства. Преемник Петра на престоле царей русских благословил наше дело, и царский брат, потрудившийся в совете освобождения труда земледельческого, предсидит * на нашем празднике труда

* Так в оригинале, т. е. председательствует.

народного, на наших поминках величайшему трудолюбцу Русской земли⁸. Мы ждем на свой праздник своего царя, предпосылая благословение благословившему труд наш, предпосылая благословение грядущему во имя блага народного.

